

Он намеренно избегал слов вроде «врач» и «приём», и не стал упоминать психологическую клинику Гуань Кэчжи:

— Просто обычные разговоры. В «Пинхай» ведь тоже есть кабинет психологического здоровья. Ближайшие несколько месяцев будут посвящены подготовке к выставке морской торговли. Времени в обрез, давление может быть огромным.

И «Хуаньту», и «Пинхай», помимо ежегодных медосмотров, сотрудничали с психологическими клиниками. Каждую неделю они присылали психотерапевтов в офисный парк, чтобы те следили за состоянием сотрудников.

Проблема заключалась в том, что Тань Юмин ответил:

— А у меня нет никакого стресса.

Шэнь Цзуннянь:

— Считаю это способом развеять скуку.

— Мне не скучно, я до смерти занят, — Тань Юмин улучил момент, чтобы взглянуть на часы, его тон был поспешным. — Выездные выставки начинаются в следующем месяце. Сроки и этапы подготовки площадок менялись уже несколько раз, нужно как можно скорее всё утвердить.

Саммит по морской торговле проводился раз в три года и был ориентирован на Азиатско-Тихоокеанский регион. Для Тань Юмина это был первый опыт участия в крупном общественно значимом проекте в роли организатора после того, как он по-настоящему возглавил «Пинхай». Он придавал этому огромное значение.

«Пинхай» вырвала пальму первенства в борьбе за статус организатора. Но кусок пирога был слишком большим. Власти не позволили бы им проглотить его в одиночку. Требовалось, чтобы все компании и конкурировали, и сотрудничали, объединяя усилия всего острова ради общего грандиозного дела.

— «Тайцзи», семья Сюй и семья Цзэн. Они числятся организаторами, но на самом деле стоят в стороне и жадно наблюдают. А ещё есть куча мелких и крупных поставщиков рангом ниже. Сейчас «Пинхай» превосходит их на голову, это выглядит круто. Но стоит нам где-то облажаться, они тут же набросятся и сожрут этот кусок мяса без остатка.

— Это никак не мешает, — Шэнь Цзуннянь совершенно не переживал по этому поводу. — Скажи, что тебе нужно сделать, и я помогу.

Тань Юмин скосил глаза:

— Думаешь, я бы тебя упустил?

Подобные крупные проекты при поддержке правительства могли в кратчайшие сроки создать отличный социальный имидж и повысить доверие общественности. «Пинхай» никогда не оставляла «Хуаньту» за бортом. Точнее говоря, Тань Юмин заботился о публичной репутации Шэнь Цзунняня куда больше, чем сам Шэнь Цзуннянь. Даже когда они поссорились и Тань Юмин собирался делить с ним имущество, он ни за что не стал бы вымещать злость на «Хуаньту».

— На координационном совещании мы предложили выделить категории технологий и энергетики в отдельный пункт и порекомендовали «Хуаньту» в качестве координатора. Комитет одобрил заявку. Думаю, скоро они свяжутся с тобой для разговора.

Шэнь Цзуннянь не особо беспокоился о своей социальной репутации, зато был крайне озабочен психическим состоянием Тань Юмина:

— Тогда тем более не о чем волноваться. Всё, что захочет «Пинхай», «Хуаньту» сделает. Или скажи мне, чего хочешь ты. Ты просто сходишь поговорить, это не отнимет много времени.

— У меня даже на это нет времени! — Тань Юмин был полон амбиций и энтузиазма. Когда он упрявился, даже Нефритовый Император не смог бы его переубедить. — Проторчать здесь два дня — это уже предел.

Если бы он не боялся волновать родителей, то ушёл бы ещё вчера, сразу после повторного осмотра. Тань Юмин чувствовал себя живым и полным сил. Он отчеканил:

— Я тебе говорю, завтра я обязательно выписываюсь. Ваше несогласие ничего не изменит.

Его и так бесило каждый день торчать в этих четырёх стенах. Тань Юмин недовольно пробормотал:

— Идти к врачу, когда ты не болен — вот это действительно похоже на болезнь.

Шэнь Цзуннянь открыл рот.

— Шэнь Цзуннянь, — Тань Юмин вдруг поднял голову, до него наконец-то дошло. Он бросил на него пронзительный взгляд и серьёзно спросил: — Ты считаешь, что у меня ужасный характер? Что я устраиваю скандалы на пустом месте и мне нужно к врачу?

Тань Юмин всегда был толстокожим. Ему было абсолютно наплевать, как на него смотрят и что о нём говорят другие. Но мнение Шэнь Цзунняня его волновало до крайности. Услышать такое завуалированное предложение было немного обидно и злило:

— Или в твоих глазах я псих? Просто от нечего делать схожу с ума? Ты остался здесь только потому, что решил, будто у меня...

— Что за чушь ты несёшь? — Шэнь Цзуннянь, который не верил ни в богов, ни в будд, теперь стал бояться сглазить. Он нахмурился и прервал его: — Ты не болен.

Сейчас Шэнь Цзуннянь абсолютно не мог справиться с Тань Юмином. Раз тот не хотел, оставалось только придумать другой способ.

В день выписки за ними приехал водитель семьи Тань. Он обеспокоенно поинтересовался самочувствием Тань Юмина. Проработав в семье почти тридцать лет, он впервые видел, чтобы молодой господин лежал в больнице.

— Дядя Чжан, со мной всё в порядке.

Тань Юмин давно не ездил на этом «Бентли»:

— Почему здесь пахнет сигаретами?

Запах был очень слабым, но всё же уловимым.

Те шесть часов и девять сигарет на парковке «Инчи» в ту ночь. Позже Шэнь Цзуннянь специально отдал машину в химчистку, но на коже неизбежно остался запах. Слово какое-то напоминание, словно след, который невозможно стереть.

Шэнь Цзуннянь закрыл дверь и протянул ему подушку:

— Одежда пропахла на деловом ужине.

Он помолчал и спросил:

— Сильно пахнет? Открыть окно?

Тань Юмин ответил, что нет.

Больше не было. Того лёгкого, свежего лимонного аромата. Тань Юмин думал, что не чувствует его из-за резкого запаха больничной хлорки. Оказалось, он действительно полностью выветрился с Шэнь Цзунняня.

Он отстранился и уставился в окно. Шэнь Цзуннянь немного подумал и протянул руку, чтобы забрать его телефон.

— Ты чего? — удивился Тань Юмин. Обычно это он копался в телефоне Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь опустил голову и несколько раз нажал на экран:

— Достая себя из чёрного списка.

Тань Юмин приоткрыл рот. Он вспомнил, что в ту ночь в «Инчи» так разозлился, что заблокировал его.

На заднем сиденье наступило неловкое молчание. Когда «Бентли» проезжал по финансовому кварталу, Тань Юмин наконец нашёл возможность занять моральную высоту:

— Шестнадцатого числа ты ездил в Биньчжоуди или на гору Сяолань?

Шэнь Цзуннянь приподнял брови. Это его не удивило:

— Ты за мной следил?

— Случайно встретил, — Тань Юмин был неправ, но держался уверенно, продолжая допрос. — Так куда ты ездил?

— В Биньчжоуди.

— И что ты там делал?

Раз уж дело дошло до этого, скрывать Шэнь Цзунняню было нечего:

— «Пули» сотрудничает с отделом Хэ Уфэя по борьбе с мошенничеством. Они помогли мне искать зацепки на Шэнь Сяочана. Они нашли партию краденого. Свиток «Рисунок тушечницы Баоцзюй» изначально принадлежал семье Шэнь, я ездил на опознание.

— Шэнь Сяочан?! — эти слова моментально задели Тань Юмина за живое, словно перед ним возник смертельный враг. — Он вернулся в страну?

Его реакция заставила слова старшей сокурсницы снова зазвенеть в ушах Шэнь Цзунняня. Патологическая травма, вызванная многочисленными разлуками, которые семья Шэнь подстраивала в детстве, незаметно таилась внутри столько лет. А он совершенно ничего не замечал.

Шэнь Цзуннянь сжал плечо Тань Юмина, одновременно объясняя и успокаивая:

— Нет. Он занимался контрабандой антиквариата и мошенничеством с подделками. Хотел вернуться на рынок Хайши через «Байхэтан» из Биньчжоуди, используя их как номинальных держателей акций. Целью была «Хуаньту». Или я.

Взгляд Тань Юмина похолодел:

— Совсем страх потерял.

— Хэ Уфэй уже вычислил всех посредников и покупателей в их цепочке. У него ничего не выйдет.

Но Тань Юмину было не по себе:

— Откуда он знает людей из Биньчжоуди?

Шэнь Цзуннянь:

— Одним нужны связи, другим — деньги. Нет ничего удивительного, что они сговорились.

Тань Юмин помрачнел и замолчал.

Шэнь Цзуннянь сжал его плечо сильнее:

— Полиция будет за ним следить.

Тань Юмин разозлился:

— Думаешь, если полиция следит, это гарантирует безопасность?!

Шэнь Цзуннянь никогда не позволял ему ввязываться в подобные дела:

— Сейчас всё в порядке.

Наблюдая за изменением его лица и эмоций, он открутил крышку на бутылке воды, протянул ему и спросил:

— Тебе нехорошо?

Тань Юмин посмотрел на него. В его глазах промелькнула боль, но он упрямо молчал.

Шэнь Цзуннянь нахмурился и строго произнёс:

— Отвечай.

Тань Юмин вдоволь насмотрелся на его взволнованное лицо, но злость никуда не ушла:

— Ты велишь мне отвечать, и я должен отвечать?! А когда я просил тебя всё рассказать, ты из себя и слова выдать не соизволил! С какой стати?!

Шэнь Цзуннянь сурово отчитал его:

— Тань Юмин, не шути со мной такими вещами.

Когда он так себя вёл, он казался злым и жестоким. Тань Юмин тоже остался недоволен.

Водитель не понимал, из-за чего молодые господа снова поругались, поэтому молча увеличил скорость и обогнал несколько машин впереди.

В старом особняке пышно цвела баухиния. Ребёнок ростом с половину взрослого человека лежал на краю пруда и разглядывал рыб. Рядом сидел Тань Чжуншань, держа в руках розового плюшевого медведя. Закат окрасил пруд в золотой цвет. Несколько рыбок рюкин и тайских львиноголовок копошились среди водяных лилий.

— Тань Долэ!

Маленькая козявка, разглядывавшая рыб, обернулась и бросилась к нему:

— Дядя!

Злость, кипевшая в машине, немного улеглась. Тань Юмин распахнул объятия и крепко прижал к себе ребёнка:

— Ого-го! Кто сделал тебе такую причёску?

— Кингли.

— Так и думал.

Только Гуань Кэчжи могла сделать ребёнку такую причёску.

Тань Долэ с предвкушением спросила:

— Дядя, я стильная?

Это всё были забавы Тань Юмина, когда ему было четырнадцать. Но он действительно впервые видел маленькую девочку со стрижкой маллет. Он дёрнул её за кончики волос и похвалил:

— Настолько стильная, что меня аж до костей пробирает.

Тань Долэ осталась не очень довольна. Она обняла его за шею и крикнула стоящему позади:

— Дядя Цзуннянь!

Шэнь Цзуннянь побоялся, что Тань Юмин устанет, поэтому забрал ребёнка на руки:

— Привет.

Тань Долэ была единственным ребёнком в семье Тань, который совершенно его не боялся. Племянница пошла в дядю: маленькие персиковые глаза и стрижка маллет. Она выглядела крутой и довольно дерзкой, напоминая того сорванца четырнадцатилетней давности, который, словно божественный воин, спустился с небес и устроил переполох во дворце.

Они вернулись в дом как раз к ужину.

— Кингсли, — Тань Долэ послушно забралась на детский стульчик рядом с Гуань Кэчжи.

— Давай, — Гуань Кэчжи налила ей тарелку бульона. Шэнь Цзуннянь тоже налил порцию Тань Юмину.

Тётушка Тан приготовила манговые блинчики. Никто другой их не захотел, так что дядя с племянницей с аппетитом уплетали по одному.

В питательный наваристый бульон добавили линчжи и красный женьшень, поэтому он сильно пах травами. Тань Долэ оставила полтарелки. Почесав голову, она сказала Гуань Кэчжи:

— Кингсли, я не допью.

Гуань Кэчжи всегда воспитывала детей в духе свободы:

— Раз не можешь, не пей. Ешь десерт.

Тань Юмин решил последовать её примеру, но не успел он отложить ложку, как Шэнь Цзуннянь, словно предвидя будущее, даже не повернув головы, нанёс упреждающий удар:

— А ты допей.

Тань Юмин не успел возмутиться, как услышал:

— И блинчик этот тоже последний.

В них было слишком много сахара, что шло вразрез с предписанной врачом лёгкой диетой.

Тань Юмин проглотил все рвавшиеся наружу ругательства. Он подумал, что дома свободы оказалось даже меньше, чем в больнице.

Тань Чжуншань сказал, что дядя и тётя Тань Юмина хотят приехать навестить ребёнка. Гуань Кэчжи и Тань Юмин ещё не успели ничего сказать, как Тань Долэ первой выразила своё мнение:

— Я не хочу видеть дедушку и бабушку.

Тань Юмин удивился:

— Почему?

— Они не разрешают маме разводиться. И хотят, чтобы я её отговорила.

На мгновение все замолчали.

Гуань Кэчжи баловала детей:

— Не хочешь видеть — не будешь.

Отложив палочки, Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь позвонили Тань Юйлинь.

— Юмин, — в голосе Тань Юйлинь слышалась усталость.

— Сестра, как обстоят дела?

Они не были особо близки, обычно виделись только на собраниях акционеров и семейных

праздниках. В памяти Тань Юмина она с детства оставалась сильной и волевой старшей сестрой.

— Мы с Шэнь Цзуннянем звоним узнать, не нужна ли помощь.

Шэнь Цзуннянь тоже подал голос:

— Сестра Линь.

— Цзуннянь, — Тань Юйлинь не стала разводить политесы и прямо рассказала о ситуации. — Семья Цзэн не хочет разводиться по обоюдному согласию. Любовница Цзэн Шаохуэя родила мальчика, и семья Цзэн собирается признать его своим. Мой адвокат сейчас собирает доказательства его измен. Если дело дойдёт до суда, они будут бороться за опеку над Долэ и за мои акции в «Пинхай».

Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь переглянулись:

— И что ты планируешь делать?

— Развод состоится. Денег они не получат. Ребёнок тоже останется со мной.

— Отлично, — сказал Тань Юмин. — Я поручу адвокатам нашего семейного офиса собрать команду специалистов по бракоразводным процессам и связаться с твоим юристом.

Он заверил её:

— Развод будет. Ребёнок останется с тобой. Деньги делить не придётся. Поскольку он виновная сторона, он ещё и выплатит тебе компенсацию. А алименты на Долэ тебя точно устроят.

Тань Юйлинь тихо рассмеялась:

— Спасибо, братец.

Но затем обеспокоенно добавила:

— Это не поставит тебя в неловкое положение перед семьёй Цзэн?

Их семьи сотрудничали. Семья Цзэн была далеко не мелкой сошкой. В своё время брак между двумя кланами стал грандиозным событием, за которым наблюдал весь остров. А впереди ещё и масштабная выставка морской торговли.

— Нет.

Какое ещё неловкое положение с этим мусором? То, что Тань Юмин ещё не послал людей прикончить Цзэн Шаохуэя, уже можно считать огромной милостью.

В комнату зашла Тань Долэ. Услышав голос Тань Юйлинь, она крикнула в телефон:

— Мама!

— Долэ, — тон Тань Юйлинь сразу смягчился. — Что делаешь?

— Смотрю мультики с Кингсли.

Тань Юйлинь беспомощно вздохнула:

— Ты должна называть её старшей бабушкой.

Лицо Гуань Кэчжи выглядело настолько молодо, что у Тань Долэ просто язык не поворачивался назвать её бабушкой:

— Кингсли сказала, что так можно.

Тань Юйлинь пожурела её, но Тань Юмин вступился за ребёнка:

— Сестра, всё в порядке. Моя мама не заморачивается такими вещами.

Тань Юйлинь оставалось лишь наказать дочери:

— Тогда слушайся дядю и дядю Цзунняня. И не балуйся.

— Я самая послушная.

Как только звонок завершился, лицо Тань Долэ мгновенно изменилось:

— Дядя, я хочу десерт из манго с саго и помело!

День был слишком жарким.

У Тань Юмина тоже пересохло в горле:

— Я тоже хочу.

Две пары персиковых глаз, похожих друг на друга на треть, уставились на Шэнь Цзунняня. У Шэнь Цзунняня не было выхода. Он встал, достал десерт из холодильника и прихватил ещё одну пиалу.

Тань Долэ хвостиком увязалась за ним:

— Дядя Цзуннянь, уже готово?

Шэнь Цзуннянь разделил сладость на две части, выступая в роли не самого справедливого судьи:

— Дяде достанется треть, а остальное — твоё.

— Что?! — ни взрослый, ни ребёнок на это не купились и хором запротестовали. — Я хочу целую порцию!

Сердце Шэнь Цзунняня было непреклонным. Он хладнокровно захлопнул дверцу холодильника:

— Больше нет.

<http://bllate.org/book/17117/1614145>